

жавших в самых идеаллических тонах этот праздник. Автор правильно и метко пишет о том, что «художник не осмелился показать замученных людей и животных, предпочтя заменить тех и других изображением веселых эротов, беспечно пирующих и венчающих сытых, статных мулов цветами» (стр. 117—118).

Излишнее приукрашивание античного быта сквозит и в утверждении, что «те времена... население Италии мылось в бане ежедневно. Давно оставлен был обычай мыться только раз в неделю; теперь он соблюдался только для рабов» (стр. 235). На фоне скученности жилищ в античности и других показателей (например, данных о кожных болезнях) это — довольно смелое утверждение.

Однако эти обобщения автора, — вполне понятные и объяснимые его увлечением материалом, — пожалуй, единственное, в чем его можно упрекнуть. Достоинств в книге гораздо больше. Весьма ценным, например, является подтверждение археологическими данными положения о том, что в эпоху империи растет самосознание средних слоев рабовладельцев, всякого рода ремесленников и промышленников; их занятия «переставали быть зазорными не только для крупного дельца и предпринимателя» (стр. 129). В этом смысле необычайно выразительны приводимые данные о рядовом сукновале, а равно и свидетельства о большом удельном весе в жизни города ряда лиц, занимавшихся торговой деятельностью, имевших связи не только в Италии, но и за пределами ее.

Очень существенные поправки в общепринятые представления о характере хозяйственной деятельности в I в. л. э. вносятся автором на основании материалов Помпей также и в сферу сельского хозяйства. Анализируя хозяйство деревенской усадьбы, М. Е. Сергеевко «решительно зачеркивает старое, высказанное Моммаэном положение о том, что древняя Италия в лице своих крупных землевладельцев отказалась от полеводства и перешла к разведению садовых культур (в широком смысле слова), с одной стороны, и к крупному пастбищному скотоводству — с другой» (стр. 293—294). Автор вполне правильно призывает также пересмотреть безапелляционность, с какой решали раньше вопрос о значении крупного землевладения в древности (стр. 300).

В общем и целом рецензируемая книга является ценным подарком широким кругам советских читателей.

Проф. П. Н. Тарков

Н. Ф. ДЕРАТАНИ, С. П. КОНДРАТЬЕВ и Н. А. ТИМОФЕЕВА.
Римская литература. Хрестоматия по античной литературе для вузов,
т. II, издание IV, М., 1949, стр. 591, тираж 25 000, ц. 14 р. 25 коп.

В новом, переработанном и значительно дополненном издании ее только представлены все основные римские классики, но и увеличено число образцов, приводимых из их произведений. Расширены вступительные справки и отчерки, комментарии и др. Многие переводы публикуются впервые. Таковы образцы текстов римского фольклора, отрывки из Цезаря и Плиния Младшего, заново переведенные С. П. Кондратьевым; переводы А. В. Артюшкова из «Эвевды», «Послания к Пизонам», Тибулловых «Элегий», Овидиевых «Песен Лакбии» и «Тристий», «Мозеллы» Авсония и стихов Клавдиана, а также Ф. А. Петровского из Персия и Немесиана и др. Кроме того, напечатаны малоизвестные переводы отрывков Невия и Эния (И. И. Холодный) и фрагменты из Луцилия (В. Н. Модестов).

В книге пять основных разделов: 1) долитературное творчество (фольклор), 2) литература эпохи расцвета республики и завоеваний в Средиземноморском бассейне, 3) литература эпохи гражданской войны, 4) литература времени Августа и 5) литература эпохи империи по периодам: а) до Адриана включительно; б) до Септимия Севера и в) вплоть до крушения античного римского общества.

Хрестоматия открывается избранными классическими характеристиками важнейших особенностей древнеримского общества из трудов основоположников марксизма-ленинизма. В их свете только и можно правильно понять взаимоотношения римской

литературы с греческой в то время, как эта проблема все еще является одним из коренных заблуждений буржуазного литературоведения.

К сожалению, здесь не приведено еще одно важное указание Ленина о характере римской завоевательной политики: «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Гимна с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)...¹ В свете этой мысли Ленина глубже и своеобразнее раскрывается отражение римской действительности в таких, например, памятниках литературы ее, как «Энеида». В хрестоматии следовало полностью привести сталинскую характеристику обстоятельств гибели Римской империи.

Каждый из разделов хрестоматии начинается краткой исторической справкой об основных событиях и процессах соответствующей эпохи. В свою очередь, перед произведениями авторов в сжатом очерке обрисован творческий путь и особенности мастерства писателя. Составителям пришлось проделать немалую работу, чтобы дать правильную характеристику историко-литературного материала почти 40 писателей в условиях, когда многие из опубликованных прежде трудов, учебников, предисловий и др. значительно устарели. Этим и объясняется ряд еще встречающихся недостатков, подлежащих устранению в следующем издании.

В первом небольшом отделе «Древнеримская литература» помещены фрагменты латинского фольклора: заплочки (нении), эпитафии, песни-заклинания и один из жреческих гимнов (арвальских братьев), найденный на табличке 218 г. н. э. При незначительности дошедшего фольклорного наследства следовало привести еще тексты пророчаний, записанных Т. Ливием, игувийского призыва к Грабовию и другие имеющиеся образцы. Это дало бы более отчетливое представление о римской устной поэзии.

Второй раздел хрестоматии охватывает период римской экспансии III и первой половины II в. до н. э. В очерке к нему не отмечено, что одновременным внутренним стимулом этой экспансии было и стремление к захвату ценностей и рабов в связи с ростом работорговли, как отражением развития рабовладельческого способа производства, о чем писал Маркс: «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д. ...»²

Впервые широкий читатель получает теперь более конкретное представление о творчестве «первых поэтов», особенно Гнея Невия. Отзвуки борьбы римской демократии против аристократических олигархов и роста денежных отношений слышны в его стихах: «Всегда ценил свободу я, и всегда выше ставил ее, чем денег мощь...» или еще: «Насколько рабство здесь свободу пренышает».

Свободолюбие и демократизм Невия окрашены национальными традициями в противовес филиаллинскому культу, который усиленно развивала римская правящая верхушка с конца III в. до н. э.

К образцам «Римской комедии» добавлены сценала из Плавтова «Куркулиона» и сцены из его «Мепехмов» и «Пленников». В очерке о Плавте уместно было бы отметить, что «Мепехмы» являются первым его произведением, с которым знакомилась русские читатели в переводе драматурга В. И. Лукина (1737—1794 гг.). Кроме того, примечательно, что гениальный русский драматург А. Н. Островский, внимательно изучая Плавта, сам перевел с латинского комедию «Ослы».

Давая образцы из Теренция, составители не привели, к сожалению, те строки из второго пролога комедии «Свекровь» (ст. 27—47), на которые указывают не только все курсы и учебники по римской литературе, но и вступительный очерк (стр. 106). Следовало отметить также, что А. Н. Островский перевел комедию «Свекровь» на русский язык (перевод этот опубликован впервые в 1923 г.), видимо, ценя ее как реалистический образец римской семейной драмы.

В исторической справке к III разделу («Литература эпохи гражданской войны») следовало указать, что Маркс считал эту эпоху временем наивысшего расцвета Рима, характерным тем, что в то время философия вытеснила религию у образован-

¹ В. И. Ленин. К пересмотру партийной программы, т. XXVI, стр. 135.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 513.

ных римлян. В этом свете следует рассматривать произведения и Катуллы, и Лукреция, и Цицерона, отразивших момент, «когда Рим достиг вершины своего могущества»¹. Это высказывание Маркса о римских последователях греческой философии IV—III вв. приведено в очерке о Лукреции (см. стр. 153), однако с пропуском начальных слов «Читайте Цицерона!», которые придадут ему конкретно-исторический характер.

Творчество почти всех писателей, произведения которых собраны в третьем разделе (кроме Цезаря), проникнуто идеями рабовладельческого демократизма, республиканства и свободолюбия. Оно как раз представляет и вершину развития римской литературы, еще не пораженной формализмом, придворной лъстливостью и ложной риторикой, этими спутниками развития античного декаданса, ярко начавшего цвести при Августе. Не так давно проф. Н. Ф. Дератани писал: «Уже при Августе пресекается всякая свобода литературного творчества...»². Тем не менее, в противоречии с этой верной констатацией, очерк о следующем — IV периоде (Августа) в хрестоматии начинается положением: «Если художественная проза достигла своего расцвета в сочинениях Цицерона, то «золотой век» римской стихотворной поэзии приходится лишь на конец республики и начало императорской власти». Неточность этой характеристики с очевидностью вытекает из сравнения текстов и комментариев, помещенных в обоих разделах.

Сами составители отмечают, например, что Вергилий (стр. 215) в «Буколиках» уступает по реалистичности александрийцу Феокриту. Гораций же в содержании своих «Сатир» лишен той свободы в выборе общественно-политической тематики, которой пользовался Луцилий, хотя его поэзия и «превосходит сатиры Луцилия тонкостью юмора, изяществом языка и стиха». По чувству же Гораций настолько уступает Катуллу, что «не захватывает читателя» (стр. 273). Иначе говоря: будучи сильнее в мастерстве, Гораций слабее Луцилия по содержанию, а Катулл по чувству.

Известно, что главным и определяющим в творчестве поэтов, конечно, является содержание и его неотъемлемая часть — чувство, пафос. С этой стороны преимущества у поэзии предыдущей эпохи с Луцилием, Катуллом и Лукрецием. Им бесспорно уступают Вергилий, Гораций, Овидий, несмотря на свои формальные достоинства. Что же касается художественной прозы в собственном смысле, то здесь, по нашему мнению, преимущества на стороне романа «Сатириков» и Тацитовых «Историй».

Однако в соответствии со своими политическими взглядами буржуазная наука объявила классическим «золотым веком» римской литературы эпоху Августа вместо эпохи расцвета и заката республики с антицезарианцем Катуллом, просветителем — атеистом и материалистом Лукрецием, республиканцем Цицероном. Отодвигая на задний план содержание литературы, отправляясь от формы и мастерства, буржуазное литературоведение превознесло эпоху Августа, породившую религиозную и вместе с тем монархическую «Энеиду», Горациевы посвящения императору, эротическую элегию, несущие на себе яркие черты развивавшегося упадка литературы.

Упадочных явлений гораздо меньше в произведениях эпохи конца республики и гражданской войны — этого подлинно «золотого века» римской литературы, времени ее наивысшего расцвета и в то же время начала ее упадка.³

В рецензируемом издании представлены также фрагменты демократической поэмы, мима, сохранившиеся острые строчки сатир Луцилия и образцы классической прозы Г. Гракха, Цицерона, Цезаря, Саллюстия. Читатель получает неполное впечатление о характере творчества Катуллы, так как его произведения представлены, в большей части, не современными переводами размером подлинника, а устарелыми рифмованными вариантами XIX в. (акад. Ф. Е. Корша). Особенно неудачен перевод стихотворения «Будем, Лесбия, жить, пока живы...» которым открывается эта глава. В нем Ф. Корш контампировал в одно два разных произведения Катуллы, известных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 194.

² М а р ц и а л, Избранные эпиграммы, М., 1937, стр. 7.

³ Редакция считает эту оценку литературы эпохи Августа дискуссионной и подлежащей дальнейшему обсуждению.

в латинском оригинале под номерами V и VII. Кроме того, из последнего цикла стихов Катулл включен лишь эпиллий «Аттис». Обойдены такие шедевры, как «На могиле брата», «Снова на родине», последняя часть «I Венчальной песни», которую Пушкин пародирует в письме к Дельвигу, стихотворение «Весна» с прекрасными строчками:

*О, как сердце пьянит желанье странствий!
Как торопятся ноги в путь веселый!
Вы, товарищи милые, прощайте!
Долго из дому вел нас тот же ветер.
Но, вернемся мы разною дорогой.*

В очерке о Катулле характеристика творческого облика поэта противоречива: отмечается пзоощренность «александринцев» и простота языка, удаление архаизмов (стр. 143); не подчеркнут республиканизм поэта, его реалистическая направленность. Острая реакция на современность, борьба страстей видны не только в римских стихотворениях Катулл, но и в мифологическом произведении последнего периода после отъезда из Рима — «Аттис», к которому с большим интересом относился А. Блок. На это следовало указать в хрестоматии.

Апогеем расцвета римской литературы вообще и этой эпохи в частности является, конечно, поэма Лукреция «О природе вещей». В диссертации Маркса блестяще охарактеризовано творчество этого поэта. Надо было все же отметить, что историческая концепция великого античного материалиста ограничена рамками своей эпохи. В указаниях переводов пропущен прозаический перевод А. Клеванова, изданный еще в 1876 г.

Глава, посвященная римской прозе этой эпохи, открывается тремя фрагментами из речей Гая Гракха, приведенными Авлом Гелллем и Цицероном (что, однако, в хрестоматии не отмечено). В справке о Гае Гракхе почему-то не приведена дата его рождения и нет основных фактов его биографии. А следовало отметить, что молодой Маркс одно время собирался писать драму «Братья Гракхи». Белинский говорил: «Настоящий герой римский — это даже не Юлий Цезарь, а разве братья Гракхи»¹.

Хорошо представлен теперь в хрестоматии Цицерон. Помимо отрывков из речей, помещены фрагменты из трактата «Об ораторе» и некоторых «Писем». Лучшее написано и предпосланный этим образцам очерк, к которому все же необходимы следующие замечания: на стр. 174 неточна сноска к высказыванию Маркса (194, а не 180-я страница первого тома). Кроме того, это высказывание цитируется в контексте, создающем впечатление, не соответствующее главной мысли Маркса. В хрестоматии говорится, что в философских трактатах Цицерон «выступает против эпикуреизма, проповедуя близкую к стоицизму этику греческой «новоакадемической» школы. Недаром Маркс призвал читать Цицерона, чтобы убедиться в том, что «Философии Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян к тому моменту, когда Рим достиг вершины своего могущества». Призыв Маркса подчеркивает, что в эту пору у образованных римлян философия вытеснила религию. Из этого совсем не вытекает, что, следуя за «новоакадемической» школой Филона, Цицерон боролся против эпикуреизма. Трактаты Цицерона, посвященные метафизике, этике и политике, именно благодаря эклектизму автора позволяют получить достаточно ясное представление о всех главных течениях философии периода эллинизма². При критическом отношении к некоторым положениям Эпикура, по античным данным, именно Цицерон опубликовал эпикуреистическую поэму Лукреция. Ведь отрицательные суждения имеются у Цицерона и в отношении многих положений других философских направлений.

В очерке о Цезаре не приведено никаких фактов о его политической деятельности, в результате которой он стал во главе Рима. Отмечаемая в очерке апология этой деятель-

¹ В. Г. Белинский, Соч., 1948, т. II, стр. 469.

² Цицерон, Тускуланские рассуждения, IV, 21: «Перипатетикам отвечают стоики. Пусть они обмениваются ударами мечей, это меня не касается, я ищу только того, что кажется верным».

ности в сочинениях Цезаря может быть понята только в связи хотя бы с краткой характеристикой основных моментов его деятельности.

Четвертый раздел хрестоматии назван «классическим периодом римской литературы (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.)». Из ранее сказанного явствует, что правильнее было его назвать — «Литература периода II триумvirата и принципата Августа». Сюда включены вновь: эклога V «Буколик» Вергилия, ряд фрагментов его «Георгики», «Моретум» и большие отрывки из «Энеиды», занимающие теперь 40 страниц. Таким образом читатель последовательно знакомится с рядом наиболее интересных фрагментов этой «библии цезаризма». К сожалению, идейное содержание «Энеиды» в очерке о Вергилии раскрыто недостаточно. Стремясь «воспеть мощь Римской державы и прославить императора Октавиана Августа», поэт не только создал агитационную поэму, в этом духе идеализируя римскую древность, но и дает апологию римской агрессивной политики порабощения других народов. Вергилий представляет римлян избранным, «высшим» народом, призванным господствовать над другими, «низшими» народами мира. Своеобразно и метко оценил «Энеиду» Белинский (Соч., III, 469), сказав, что она «написана во времена незрелости и падения народа», и: «Это просто старческое произведение, которое силится показаться младенческим. И при том пафос римской жизни был совсем другой, чем пафос греческий: следовательно, Эней — ложноримский герой».

В очерке о Горации нужны дополнения. После поражения под Филиппами Горацию не «пришлось бежать в Италию», как указано на стр. 272, но он вернулся в Рим, воспользовавшись амнистией. Уже в следующем, 41 г. до н. э. стали появляться его «Сатиры», а затем и «Эподы». В 39 г. Вергилий рекомендовал его Мекенату, который в 37 г. до н. э. взял поэта с собою при поездке в Брундизий. В 33 г. Мекенат подарил поэту Сабинны. Все это указывает, что сын вольноотпущенника Гораций вряд ли намеревался «удержаться на боевых республиканских позициях», а лишь создавал себе иллюзию поэтической независимости, едва разоблаченную в упомянутом далее письме Ангелуса Маркуса от 21.XII 1866 г. (см. стр. 274).

Число «Од» Горация значительно увеличено, но пропущена ода I, 39 о смерти Антония и Клеопатры, на которую сделана ссылка на стр. 277 к «Эподу» II, 9. В «Послании к Пизонам» есть неоправданные купюры; например, строки 125—127 являются переходом к знаменитой характеристике *Difficile est proprie communia dicere*, цитируемой Пушкиным на латинском языке.

Среди произведений Овидия впервые помещена его школьная декламация, сохраненная в «Контроверсиях» Сенеки, ряд эпизодов из «Метаморфоз» и отрывков из «Фастов». Вводный очерк об Овидии следует отнести к лучшим в хрестоматии.

Последний раздел хрестоматии охватывает произведения писателей, творивших со времени Тиберия до крушения античного общества в V в. Общая оценка литературного развития I в. н. э., однако, не вскрывает специфических особенностей разнообразного отражения действительности в ту пору. Нельзя согласиться с мыслью, что «литература этого периода большей частью далека от актуальных политических вопросов» (стр. 383). Такому отстраненному положению противоречат не только поэты, которые, отражая идеи и настроения более низовых социальных групп Рима, утверждали в литературе реалистические принципы искусства, но и писатели, выразившие, как сказано в очерке, «идеологию верхушки общества», к которым отнесены Петроний, Сенека, Персий, несмотря на их уход в философию и характерные черты упадочного стиля. «Приговор жизни» в творчестве указанных авторов направлен против императорской политики.

Хрестоматия в ряде мест наталкивает на такое отношение к произведениям, которое помогает уловить в них отражение общественно-политической действительности эпохи. Так это и сделано в очерке о Федре, использовавшем иносказательный характер басни, и, в частности, указано, что «Лягушки против солнца» направлены против Сеяна.

Приходится сожалеть, что в хрестоматии нет пятой сатиры Персия (о свободе), имеющей менее 200 строк и считающейся наилучшим его творением. Здесь уместно было привести и характеристику Белинского (Соч., II, 226): «Мы теперь знаем,

что сатиры не есть осмеяние народов для исправления нравов, но что это есть высший суд над падшим обществом, его предсмертный, раздирающий душу вопль, и что Персий и Ювенал явились в римской литературе не случайно, а необходимо, и притом в самую пору, так что ранее не могли явиться».

Главу с образцами из Сенеки следовало дополнить необходимыми при прохождении курса фрагментами из философских трактатов и «Писем к Луцилию», а также из трагедии «Федра», чтение которой предусмотрено программой. (Черк о Сенеке (стр. 389) противоречит оценке писателя во вступительной справке ко всему разделу (стр. 399). В нем достаточно ярко охарактеризовано философско-политическое отношение автора к жизни. Правильно отмечено, что и в мифологических трагедиях Сенеки отражена действительность, слышен «протест сенатской знати против императорского режима», т. е. подчеркнута непосредственная близость к политическим вопросам.

То же самое можно сказать и об очерке о Лукане, где правильно подчеркнута антивероновская заостренность «Фарсалий». Его следует пополнить оценками эпопея Лукана в русской критике. Так, Херасков указывал, что «Фарсалии» наполнены «высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями».

Новая точка зрения на время создания (рубеж I и II вв. н. э.) и характер романа «Сатирикон» уже получает некоторое отражение в очерке о Петронии. Роман правильно охарактеризован как философский и социально-бытовой, а не аристократический, комико-эротический, как это ранее представлялось. Следовало здесь также отметить, что по форме он представляет смесь прозы со стихом. В связи с малой доступностью изданий переводов этого романа, ставших библиографической редкостью, следовало увеличить число отрывков в хрестоматии и привести также образцы стиха из романа, чтобы дать иллюстрацию к указаниям учебников и пособий.

В очерке о Марциале указано на 12 книг его эпиграмм, тогда как в ремарке на стр. 492 говорится: «XIII и XIV книги составляют эпиграммы в основном значении этого слова — «надпись». Поскольку в издании Марциала содержится 15 книг, целесообразнее было сказать в очерке об его 15 книгах, тем более, что среди образцов и приводятся эпиграммы из XIII и XIV книг.

При большом историческом и литературном значении Тацита, «История» которого не переиздавались в русском переводе с 1887 г., приходится пожалеть, что фрагментов Тацита дано немного. Еще Пушкин считал необходимым ввести сочинения Тацита в народное образование. В условиях, когда переводы Тацита являются библиографической редкостью, следовало увеличить отведенное ему место и привести также отрывки из «Германий» и «Диалога об ораторах», где расцвет риторики объясняется республиканской волею. Заслуживал упоминания тот факт, что гитлеровцы сжигали «Германию» на кострах, так как она разоблачала фашистских фальсификаторов истории.

Хорош и последний очерк этого раздела — об Ювенале. Его творчество представлено в хрестоматии I, III, IV сатирами в удачных переводах Д. Недовича и Ф. Петровского, а также V сатирой в переводе А. Артюшкова.

Вступительная справка к разделу «Литература II в. н. э.» кратко и четко обрисовывает важнейшие черты общественно-экономической жизни этого периода. Идеальный разброд и моральное разложение эпохи отражены в романе Апулея «Метаморфозы», фрагменты которого и составляют эту небольшую главу. Здесь желательно иметь также образцы из «Жизнеописания 12 цезарей» Светония и «Аттических ночей» Авла Геллия.

В последней главе этого раздела «Литература поздней Римской империи» (III—V вв. н. э.) помещены образцы произведений Немесиана, Авсония, Марцелина, Клавдиана и др. Здесь было бы интересно привести и несколько примеров из «центонов», акростихов, мезостихов и других версификаций, переводившихся, например, В. Брюсовым.

Очевидно, рецензируемая хрестоматия обеспечивает теперь вузовскую аудиторию почти всем основным материалом по курсу античной литературы. Желательные дополнения не велики и могут быть внесены в повторном издании, надобность

в котором уже обнаружилась, так как тираж книги значительно меньше требований вузов.

Удачен подбор иллюстраций, сделанный доц. Н. М. Черемухиной. Справочный аппарат помещен удобно для читателей в списках к каждой странице. Его все же следовало бы еще более расширить, учитывая, что студент первого курса приступает к ознакомлению с римской литературой без подготовки и предварительного знакомства с нею. Это же вызывает и необходимость приложить указатели имен, названий, терминов и мифологических образов.

В целом новое издание хрестоматии, несмотря на указанные недостатки, представляет ценное собрание образцов произведений римских писателей и поэтов, подобранных составителями на основе богатого педагогического опыта и с учетом методических потребностей преподавания. Поэтому оно является существенным вкладом в советскую учебную литературу, что нашло уже признание в одобрении его Министерством высшего образования в качестве учебного пособия для педагогических институтов.

Г. Б. Пузис

Всеобщая история архитектуры. Архитектура древнего Рима. М., 1948; 438 стр., тираж 10 000, ц. 35 р.

В рецензируемом труде излагается история архитектуры древнего Рима; в качестве приложения ко всему II тому дана глава «Античная архитектура на территории Северного Причерноморья». Автором части первой («Этруская архитектура» и «Архитектура Римской республики») является С. А. Кауфман; автором второй части («Архитектура Римской империи») — И. С. Николаев (при участии А. Г. Циреса). Приложение написано В. Д. Елаватским.

Книга представляет собой серьезный труд, в котором впервые в советской литературе столь подробно, с привлечением обильного материала изложена история римской архитектуры, и представляет собой очень полезное руководство при изучении архитектуры в советских вузах и при самообразовании.

В книгу частично включены и оригинальные исследования советских ученых; в этом плане необходимо отметить мастерский анализ акведуков и мостов Римской империи II в., особенно анализ Гардского моста, произведенный И. С. Николаевым.

Изложение архитектурного материала дается на фоне исторического развития Римского государства, его социально-экономического, политического и этнического развития. На всем протяжении книги подчеркивается, что римская архитектура носила классовый характер, в основе которого лежит разделение общества на рабовладельцев и рабов, причем резко подчеркивается разница между роскошными сооружениями римских рабовладельцев, монументальными общественными постройками рабовладельческого государства, в которых применены все замечательные достижения римской архитектуры, и жалкими хижинами простых земледельцев, казармами и тюрьмами для рабов, неблагоустроенными домами основных масс городского населения.

Первая часть книги делится на два раздела: «Этруская архитектура», из двух глав, и «Архитектура Римской республики», из пяти глав. В первой главе «Введение — Общие условия развития этрусской архитектуры» даются краткие сведения о природных условиях страны, о населении Италии в древнейший период, об общественном строе этрусов, их религии и искусстве. Описание географических условий удачно связывается с основной темой. Недостаточно подчеркнут рабовладельческий характер этрусского общества. Автор обходит вопрос о происхождении этрусов, но косвенно можно понять, что он склоняется в пользу восточного их происхождения.

Во второй главе «Памятники этрусской архитектуры» дается систематическое описание основных этрусских сооружений. За исключением гробниц, крепостных стен и ворот, эти памятники мало сохранились. Начиная изложение с инженерных сооружений, автор правильно отмечает наличие мощных камней дорог у этрусов. Характерным моментом в построении этрусских крепостных стен является использование скаль